

Очерки горной Бухары.

(Продолженіе) ¹⁾.

Глава III.

Хушъ-Ерѣ.—Жизнь таджиковъ.

Кишлакъ Хушъ-Ерѣ является самымъ населеннымъ пунктомъ всего бассейна Варзобъ-Дарьи и въ прежнее время служилъ мѣсто-жительствомъ Варзобскаго бека, уступивъ затѣмъ мѣсто кишлаку Варзобу, а въ Хушъ-Ерѣ нынѣ проживаетъ лишь помощникъ амлякдара Мингъ-баши.

Насчитывая до 700 человекъ жителей Хушъ-Ерѣ, со своимъ базаромъ, составляетъ какъ бы столицу, по сравненію съ остальными населенными пунктами долины.

Раскинувшись на сравнительно небольшомъ пространствѣ крайне скученно, онъ имѣетъ обыкновенный видъ всѣхъ таджикскихъ кишлаковъ въ горахъ.

Населеніе его, а также и сосѣднихъ кишлаковъ, разбросанныхъ по теченію Варзобъ-Дарьи и ея притоковъ, занимается земледѣліемъ, засѣвая каждое удобное мѣсто въ горахъ, и поэтому всѣ мягкіе склоны, даже въ самыхъ труднодоступныхъ мѣстахъ, покрыты пашнями, на которыхъ засѣваются пшеница, ячмень и чечевица,

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 11.

а ближе около кишлаковъ—клеверъ, причемъ, благодаря отсутствію мѣстъ для сбыта, цѣны на всѣ зерновые хлѣба стоятъ изумительно низкія, не поднимаясь выше 15 коп. за пудъ пшеницы и почти столько же за ячмень. Благодаря такому положенію, а также и тому, что подать собирается властями хотя и хлѣбомъ, но по цѣнамъ, утверждаемымъ по г.г. Гиссару и Дюшамбе, почти весь урожай переходитъ въ руки администраціи, а на обмененіе полей и пропитаніе остается самая малая часть его, въ силу чего, несмотря на плодородіе и огромные урожаи, населеніе особою зажиточностью не отличается.

Весь округъ бассейна Варзобъ-Дарьи по количеству своего населенія занимаетъ видное мѣсто въ Гиссарскомъ бекствѣ, достигая до 10 т. человекъ, расселившихся по всѣмъ горамъ, въ кишлакахъ: Хошъ-Томаша, Будомахъ, Гульзари, Май-Хуръ, Хушъ-Еръ, Потаръ, Пугусъ, Гажни, Биггаеръ, Варзобъ-Дарьѣ, Фанъ-Фарокъ, Шафтаміонъ, Догана-Варзобъ, Новобадъ, Джангалякъ, Зіановатъ, Дагобъ, Чарбагъ, Ходжа-Амбіе, Чагатаиъ, Зиргоръ и г. Дюшамбе.

Составляя глухой, но богатѣйшій районъ, мѣста эти имѣютъ неисчислимый запасъ древеснаго и строительнаго матеріаловъ, въ видѣ деревьевъ орѣха, клѣна, березы, тополя и арчи, которыя легко было бы можно, сплавивъ по рѣкѣ плотами, доставлять до Дюшамбе и дальше, пользуясь временемъ ея разлива. Дорого стоящія породы деревьевъ, пригодныя для столярныхъ работъ, въ настоящее время частью расходятся на топливо, а большая часть, достигая старости, сгниваетъ совершенно непроизводительно, загромождая собою лѣсныя чащи.

Тихое трудолюбивое населеніе этихъ горныхъ мѣстъ удивительно симпатично. Рѣдко вида русскихъ, всѣ жители кишлаковъ, при проѣздѣ ихъ, собирались посмотрѣть на гостей, поднося виноградъ, лепешки и персики, крайне цѣня каждое ласковое слово и стараясь совершенно безкорыстно быть полезными въ путешествіи.

Одѣтые въ армячинные халаты темнаго цвѣта съ открытымъ воротомъ, черезъ который выглядываетъ бязевая рубашка, съ тубетейкою и большою чалмою на головѣ, съ длинной палкой въ рукахъ или же съ не менѣе длиннымъ мултукомъ, средняго роста, коренастые, съ большими бородами, горцы, несмотря на кажущуюся съ перваго взгляда суровость, производятъ удивительно пріятное впечатлѣніе своею довѣрчивостью, честностью и отсутствіемъ всякаго плутовства при расчетахъ, чѣмъ такъ грѣшатъ жители долинъ.

Почти такой же костюмъ носятъ женщины, съ тою лишь разницею, что лѣтомъ онѣ одѣты въ широкіе шаровары и длинную бѣ-

люю рубашку съ застѣжками. Бусы изъ янтаря, коралловъ, серебряныя подвѣски украшаютъ шеи молодыхъ, изъ богатыхъ семействъ; у старухъ же украшенія отсутствуютъ.

Утварь и весь жизненный укладъ горцевъ до-нельзя примитивны и просты. Но оружіе — длинныя фитильныя ружья, топоры въ видѣ древнихъ сѣкиръ — пользуется большимъ вниманіемъ и все старое оружіе тщательно хранится въ каждой семьѣ, занимая даже особенно почетное мѣсто въ различныхъ свадебныхъ обрядахъ.

Почти не имѣя никакого сообщенія съ внѣшнимъ міромъ, большинство варзобцевъ, даже и о Дюшамбе знаютъ по наслышкѣ, никогда, за самыми рѣдкими исключеніями, не показываясь дальше Варзоба; да и въ этотъ пунктъ ихъ загоняетъ, иногда лишь, крайняя необходимость по какимъ-либо дѣламъ попасть къ амлякдару, который въ глазахъ ихъ является страшною властью, въ лицѣ коей и представляется имъ все бухарское правительство; объ эмирѣ же большинство понятія не имѣетъ, зная лишь, по наслышкѣ, про грознаго гиссарскаго Кушъ-беги, стоящаго въ ихъ представленіи выше эмира. Русскія власти представляются также чѣмъ-то неизвѣстнымъ и до нельзя страшнымъ, причѣмъ лишь рѣдкіе слышали про русскаго пристава въ Пянджекентѣ, пріѣзжающаго въ Ягнобъ и Фалгаръ; о высшей же русской власти они не слыхали.

Имѣя сообщеніе въ теченіе 6—8 недѣль въ году черезъ перевалы: Анзобъ, Штуръ-Гордани и Каратегеминъ съ Самаркандскою областью, варзобцы почти совершенно не пользуются этими дорогами, пролегающими черезъ 12 т. фут. переваль, а потому вывоза въ русскія владѣнія не существуетъ, хотя въ то же время черезъ нихъ привозятся изъ Россіи: мануфактура, чай, сахаръ, желѣзныя издѣлія, керосинъ и лампочки, постепенно все больше и больше получающія право гражданства среди варзобскихъ горцевъ.

Имѣя все свое богатство въ быкахъ и стадахъ козъ и барановъ и получая хотя и большіе урожаи, но при тяжеломъ трудѣ, вынуждающемъ разрабатывать горные склоны и недоступныя выси для своихъ посѣвовъ, варзобцы отличаются трудолюбіемъ и патриархальнымъ образомъ жизни, сохранивъ всѣ особенности племени, прожившаго вѣки въ вѣдѣ воздѣйствія многихъ отрицательныхъ сторонъ жизни культурныхъ народовъ.

Ведя постоянную и упорную борьбу съ природою, отвоевывая каждый клочекъ земли для земледѣлія, варзобцы въ то же время имѣютъ постоянного врага въ лицѣ рѣкъ и ихъ притоковъ, прихотливое теченіе которыхъ, благодаря таянію снѣговъ, производитъ

большія наводненія, а горячіе солнечные лучи, способствуя подтаиванію снѣговъ, вызываютъ огромные снѣговые обвалы, заваливаюшіе ущелья и приносящіе неисчислимыя бѣдствія.

Насколько красива долина лѣтомъ въ теченіе 6—7 мѣсяцевъ, настолько же она мѣняется совершенно видъ въ зимнюю пору. Начиная съ октября, полоса снѣговъ начинаетъ опускаться въ горахъ все ниже и ниже.

Вмѣстѣ съ морозами и сѣверными вѣтрами наступаетъ время зимнихъ вьюгъ и метелей. Цѣлые дни реветъ буря въ ущельяхъ, а снѣгъ идетъ не переставая и постепенно, забрасывая всѣ проходы и ущелья, снѣговая пелена покрываетъ долины. Снося снѣгъ съ вершинъ горъ, вѣтеръ набрасываетъ огромные сугробы внизу, закрывая и рѣки, и пропасти, и деревья, уничтожая при этомъ всякую возможность сообщенія между кишлаками.

Занесенныя до крышъ сакли горцевъ сливаются съ окружающими снѣжными сугробами, придающими здѣшней мѣстности видъ полярной страны.

Долгая, почти шестимѣсячная зима, загоняетъ горцевъ въ сакли, около которыхъ въ загонахъ размѣщается скотъ, бараны и козы.

Сидя цѣлые дни около мангаловъ и грѣясь у огня въ созерцательномъ состояніи, проводятъ варзобцы эти мѣсяцы, когда никого, кромѣ своей семьи да самыхъ ближайшихъ сосѣдей, нѣтъ возможности увидѣть.

Съ конца зимы начинается появленіе приплода у козъ и овецъ, и населеніе сакль увеличивается, съ водвореніемъ въ нихъ новорожденныхъ, для предохраненія ихъ отъ дѣйствія сильныхъ морозовъ, достигающихъ болѣе 20 градусовъ по Реомюру.

Ревъ вѣтра лишь нарушаетъ тишину, среди которой, надрывая душу, слышится завываніе волковъ, подходящихъ къ людскимъ жилищамъ. Темная черная ночь кажется почти безконечною, и во время нея чудится горцамъ, что вездѣ вокругъ носятся джины, аджихоры, джостернаки и всякіе злые духи, ведущіе борьбу съ людьми.

Жутко въ это время выйти изъ сакли. Врываясь въ отверстіе трубы, разноситъ вѣтеръ уголья мангала, окутывая всѣхъ сидящихъ пепломъ. Вспыхивая ярко, несутся искры внутри сакли, обсыпая всѣхъ. Пугливо жмутся другъ къ другу всѣ члены семьи, шепча заклинанія противъ враждебныхъ силъ.

Долго длится холодная ночь съ заунывными завываніями, шумами и стопами....

Угрюмъ характеръ горцевъ и многое становится понятнымъ въ его характерѣ, если вспомнить всѣ тяжелыя условія его жизни.

Съ первыми лучами весенняго солнца, заглядывающими въ темныя, закопченныя дымоуты, сакли, начинаетъ осѣдать снѣгъ въ ущельяхъ. Огромныя снѣговыя массы, подтаивая снизу, начинаютъ постепенно сползать со скатовъ горъ въ долины, нависая надъ обрывами, а затѣмъ съ глухимъ шумомъ сваливаются внизъ, заполняя ущелья и сметая иногда цѣлыя кишлаки. Ночные заморозки поддерживаютъ снѣговую пелену и эта борьба холода съ тепломъ продолжается почти до апрѣля, когда южный вѣтеръ, съ особою силою устремившись на снѣжныя вершины, начинаетъ уничтожать ихъ нижнія части, темнѣющія и осѣдающія плотнымъ слоемъ. Теплые дожди размываютъ снѣга, которые тая постепенно обнажаютъ хребты и склоны горъ, по которымъ несутся ручьи воды, образуя водопады. Всѣ рѣчки вздуваются, препятствуя сообщенію между кишлаками. вмѣстѣ съ тѣмъ начинается періодъ постоянныхъ землетрясеній, разрушающихъ иногда человѣческія жилища и наводящихъ панической ужасъ на населеніе.

Лишь съ половины апрѣля начинаютъ зеленѣть горы, покрывающіяся затѣмъ въ короткое время сказочно-богатою растительностью, а вмѣстѣ съ этимъ таджики приступаютъ къ полевымъ работамъ, взбираясь на выси горъ, гдѣ расположены ихъ поля.

Шагъ за шагомъ, медленно переступая, тянутъ небольшіе быки тяжелый плугъ, взрывая желтоватую жирную землю. На огромныхъ высотахъ производятся вспашки земли, заставляя cadaго видѣвшаго невольно удивляться поразительному трудолюбію этихъ исконныхъ земледѣльцевъ, несмотря на страшно тяжелыя условія, сумѣвшихъ достигнуть высокой культуры въ области земледѣлія, вдобавокъ еще съ самыми примитивными инструментами.

Лишь когда зазеленѣютъ всѣ хребты горъ, согрѣтые солнечными лучами, вмѣстѣ съ этимъ какъ будто оживаетъ все населеніе горныхъ долинъ, начиная засѣвы яровыхъ хлѣбовъ, арбузовъ и дынь...

Все лѣто затѣмъ, до сбора урожая, проходитъ какъ бы въ созерцаніи красотъ природы: во всѣхъ кишлакахъ на самыхъ высокихъ мѣстахъ можно видѣть таджиковъ, сидящихъ въ видѣ огромныхъ птицъ, любующихся открывающимися передъ ними видами горной панорамы.

Въ темныя ночи, при свѣтѣ костра, собирается населеніе кишлака къ излюбленному сборному мѣсту подъ вѣтви огромнаго тута

или же на дворѣ мечети и, прислушиваясь къ дребезжащимъ звукамъ домры или сааза, проводить цѣлыя ночи, лишь перебрасываясь словами. Молодежь занимается пѣніемъ, играми и разказами страшныхъ исторій и сказокъ, въ которыхъ главными дѣйствующими лицами являются джины и духи горь.

Съ наступленіемъ осени начинаются работы по сбору урожая. Вооружившись кривыми серпами, по склонамъ горь, цѣлые дни, не разгибаясь, жнутъ таджики ячмень, пшеницу, а затѣмъ, связавъ въ снопы, начинаютъ перевозку ихъ внизъ на выбранное для молотбы мѣсто.

Навьючивъ огромный возъ на сани, запряженные парюю небольшихъ воловъ, управляетъ таджикъ этою запряжкой, быстро несущуюся внизъ по извилинамъ дороги, проложенной иногда, почти перпендикулярно къ долинкамъ. Не обращая никакого вниманія на опасность такого спуска, свозятся золотые снопы на токъ, гдѣ тѣ же волы, шагъ за шагомъ, ходя по кругу, вытаптываютъ зерна хлѣба изъ колосьевъ, производя вымолачиваніе такимъ архаическимъ способомъ.

По освидѣтельствованіи бухарскими чиновниками, собирающими при этомъ подать, зерно тутъ же закапывается въ глубокія ямы, сохраняясь такимъ способомъ для весны, а часть зерна всегда оставляется въ запасъ на случай неурожая.

Съ окончаніемъ всѣхъ работъ вновь начинается свободное время для горцевъ. Звѣрь въ лѣсахъ покрывается зимнею шерстью и наступаетъ періодъ общихъ охотъ, въ которыхъ участвуетъ населеніе цѣлаго кишлака во главѣ со своими руководителями-стариками охотниками, отправляющимися и отдѣльно по одиночкѣ въ горы на охоту.

Осень до начала снѣговъ самое веселое время въ кишлакахъ передъ долгою зимою. Охоты, свадьбы, пѣніе, пляски, игры разнообразяютъ жизнь, давая запасъ впечатлѣній на нѣсколько мѣсяцевъ.

Никакихъ новостей изъ внѣшняго міра не доходитъ до горныхъ долинъ, живущихъ своею особою жизнью. Пріѣздъ путешественника—праздникъ для горцевъ, имѣющихъ возможность посмотреть на чужестраннаго человѣка. Цѣлыми часами, внимательно слѣдя за каждымъ движеніемъ, просиживали таджики около насъ, ни однимъ звукомъ не нарушая молчанія, если не обратиться къ нимъ съ вопросомъ, и въ то же время крайне словоохотливо, при желаніи узвать, рассказывая всѣ особенности своей жизни.

Тутъ же группировались дѣти, пытливо и удивленно глядя на невиданныхъ урусовъ своими темными глазками.

Женщины, ходящія среди своего кишлака съ открытыми лицами, прятались при первой встрѣчѣ, выглядывая изъ-за заборовъ, затѣмъ дѣлались смѣлѣе и подходили ближе, но все же никогда не вступали въ разговоръ мужчинъ.

Отдохнувъ хорошо въ кишлакѣ Хушъ-Ерѣ, мы двинулись дальше вверхъ по теченію Варзобъ-Дарьи, дойдя съ большимъ трудомъ до слиянія рѣки Зигди-Дарьи съ Кара-Куль-Дарьей или, какъ ее называютъ таджики, Майхура-Дарьей, откуда собственно считается начало Варзобъ-Дарьи. Обѣ эти рѣки хотя и многоводны, но всетаки значительно меньше.

По теченію Зигди-Дарьи, на разстояніи около двадцати верстъ, расположено пять-шесть небольшихъ кишлаковъ и нѣсколько малыхъ, тогда какъ на Майхурѣ имѣются всего лишь однѣ лѣтовки.

Представляя собою мѣстность, пересѣченную огромными горами, весь правый берегъ Майхура-Дарьи поднимается отвѣсно, уходя вверхъ; въ то же время по теченію этой рѣки встрѣчаются значительныя ровныя пространства; а хребты горъ покрыты травами при полномъ отсутствіи древесной растительности. Представляя собою отличныя пастбища, всѣ эти горы покрыты лѣтомъ стадами барановъ, козъ, поднимающихся до самыхъ высокихъ переваловъ.

Послѣ вида грандіозныхъ хребтовъ, по Варзобъ-Дарьѣ, какъ будто нагроможденныхъ мѣстами другъ на друга и уходящихъ въ облака, мѣстность значительно измѣнилась и очертанія горъ какъ будто сдѣлались значительно мягче.

Съ высокаго перевала виднѣлась часть теченія Варзобъ-Дарьи, скрывающейся почти тотчасъ же за поворотомъ, и хотя эта рѣка на разстояніи 70 слишкомъ верстъ и принимаетъ до сорока притоковъ²⁾, но даже приблизительно невозможно издали опредѣлить направленіе ихъ теченія, такъ они скрыты горными хребтами. Лишь кое-гдѣ переброшенный черезъ рѣку мостъ дополнял красивую картину бурлившей подъ нимъ рѣки.

— За тѣми горами, указаль проводникъ, лежитъ Искандеръ-Куль—большая вода. Только наши люди на той сторонѣ рѣдко бываютъ; черезъ переваль Штуръ-Гордани—онъ очень крутой и тяжелый—надо идти. На Анзобъ также здѣсь дорога проходить. Прежде съ Ягнобцами воевали, а теперъ только купцы вѣзять изъ

²⁾ Справа 22 и слѣва 18, причемъ на Варзобъ-Дарьѣ и ея притокахъ имѣется 19 постоянныхъ мостовъ.

Дюшамбе къ урусамъ въ Цянджекентъ, да и то мало, потому что дорога очень трудна, а съ осени и совсѣмъ нельзя переѣхать. Лѣтомъ люди, которые больны, ходятъ за эти горы черезъ перевалы Мегенъ-Дара: тамъ есть горячая вода, Ходжа-аби-Гармъ-Гарапъ называется. Такой святой человѣкъ тамъ жилъ и воду людямъ указалъ.

— Давно жилъ святой Ходжа-Гарапъ въ тѣхъ мѣстахъ?

— Очень давно, тюра. Есть тамъ пещера въ горѣ, въ которой онъ провелъ въ молитвѣ всю свою жизнь; стоитъ она подъ самой горой Ходжа-аби-Гармъ, воды которой текутъ въ Варзобъ-Дарью. Тамъ же надъ могилой Ходжи-Гарапа построены мазаръ и живетъ имамъ со своими людьми. Святой Ходжа благословилъ горячую воду на пользу людямъ, и всѣ больные приходятъ туда и купаются въ особыхъ хаузахъ, а рядомъ прямо въ землѣ вырыта печь и въ ней такъ горячо, что безъ огня можно сварить обѣдъ и испечь лепешки.

Рѣки Зигди-Дарья и Майхура-Дарья, соединяясь вмѣстѣ и неся массу воды, образуютъ при своемъ слияніи довольно бурный водопадъ, въ которомъ массы воды съ шумомъ скатываются внизъ, образуя водовороты. Небольшая роща красиво выдѣляется выше. Широкая долина Зигди-Дарьи довольно сильно населена, имѣя до десяти кишлаковъ, расположенныхъ по теченію рѣки.

Снѣговья горы поднимались вдаль на горизонтѣ, а ближе шли склоны горъ, отлогихъ и покрытыхъ зеленою травяной растительности и засѣянными обширными полями, примыкающими къ большому кишлаку Зигди, имѣющему болѣе полутора тысячъ душъ населенія.

Цѣлый рядъ рѣчекъ, впадающихъ въ Зигди-Дарью, пересѣкалъ нашу дорогу, причемъ наиболѣе значительными притоками являются съ лѣвой стороны Акъ-Рудъ, а съ правой— Насруты, Шуръ-Дора, Хозара и Каратегеминъ, не считая цѣлой массы мелкихъ ручьевъ, съ веселымъ журчаніемъ сбѣгающихъ съ горъ.

Кишлакъ Зигди по своему внѣшнему виду [наглядно подтверждаетъ многочисленность своего населенія, заключаая въ себѣ около полутораста слишкомъ сакль, тѣсно скученныхъ на сравнительно, небольшомъ пространствѣ.

Еще въ то время, когда передъ нами вдаль показался кишлакъ, я замѣтилъ нѣсколько человѣкъ таджиковъ, тѣсною группою шедшихъ навстрѣчу, въ сопровожденіи цѣлой толпы дѣтей и горныхъ собакъ. Подъѣзжая ближе къ кишлаку я имѣлъ вполне достаточно

времени, чтобы рассмотреть всю эту группу, среди которой было много стариковъ.

Впереди, выдѣляясь своимъ желтымъ халатомъ на фонѣ темныхъ, стоялъ самъ мингъ-баши, опоясанный кривою старинною шашкою. Нѣсколько лепешекъ на деревянной тарелкѣ составляли собою почетную хлѣбъ-соль.

Поздоровавшись, обмѣнявшись привѣтствіями и отвѣтивъ на всѣ вопросы о здоровьѣ и цѣли путешествія, я устроился на разосланной кошмѣ, пригласивъ присѣсть ближе минго-баши и стариковъ.

Черезъ нѣсколько минутъ весело забурлилъ чайникъ, поставленный на разведенномъ огнѣ, и я предложилъ новымъ знакомымъ чашку чаю, которая тотчасъ же стала передаваться въ круговую, отъ одного къ другому.

Широкій клинокъ шашки въ старыхъ, сильно изношенныхъ, кожаныхъ ножнахъ привлекъ невольно мое вниманіе, и попросивъ его показать, я увидѣлъ красивую арабскую вязь очень древняго рисунка.

— Откуда это оружіе у мингъ-баши? спросилъ я, чтобы завязать разговоръ.

— Давно очень, тюра, имъ владѣетъ весь нашъ родъ и я получилъ его отъ отца, а онъ, въ свою очередь, отъ своего отца. Хорошій клинокъ, добавилъ онъ, вкладывая его въ ножны.— Какъ серпомъ спѣлый колосъ, такъ же имъ легко срѣзать каждую голову.

— Если такъ, то пусть попробуетъ мингъ-баша свою шашку на головѣ той собаки, которую кстати давно надо уничтожить, такъ какъ она вся покрыта чесоткою, и я указалъ на одну изъ собакъ, производившую до-нельзя непріятное впечатлѣніе своимъ облезлымъ, захудалымъ видомъ.

— Этого нельзя, тюра. Собаку убить нехорошо шашкою. Клинокъ будетъ оскверненъ, запротестовалъ онъ, но тутъ же, какъ будто спохватившись, добавилъ:

— Но если, тюра, прикажетъ, то я исполню, хотя при этомъ надо всетаки пожелать, чтобы клинокъ изъ желѣзнаго обратился въ деревянный.

— Почему же такъ? заинтересовался я, зная, что этимъ вопросомъ вызову на рассказъ о какомъ-нибудь событіи.

— Очень давно, тюра, жилъ одинъ сарбазъ, у котораго не было никакого имущества, такъ какъ онъ все его истратилъ, и только

оставалось оружіе—отцовскій старый клинокъ, но и его продалъ сарбазъ, и вырученныя звонкія деньги такъ же ушли быстро, какъ пришли. Но необходимо было ему нести службу при эмирѣ и быть всегда при оружіи. Придѣлалъ онъ къ рукояткѣ деревянный клинокъ и, вложивъ его въ ножны, началъ носить и никому въ голову не приходило, что никакого оружія уже у сарбаза нѣтъ.

Но люди злы. Подсмотрѣлъ кто-то, что носить сарбазъ деревянный клинокъ въ ножнахъ, и разсказалъ объ этомъ эмиру. Разсердился повелитель и рѣшилъ обличить и наказать обманщика.

Пришли одинъ разъ просители къ повелителю и тутъ же стоялъ сарбазъ и слушалъ, какъ эмиръ судить людей. Посмотрѣлъ эмиръ на него, усмѣхнулся и неожиданно приказалъ:

«Вотъ этотъ человѣкъ, который жалуется, самъ виноватъ—пусть сарбазъ сейчасъ же отрубить ему голову».

Испугался тогда сарбазъ: узнаетъ эмиръ, что нѣтъ у него стального клинка.

«Мой повелитель, но ты не выслушалъ еще самого обвиняемаго, а также свидѣтелей», сказалъ онъ, чтобы отвлечь мысли эмира и оттянуть время.

Разсердился тутъ страшно эмиръ:

«Сейчасъ же отруби голову человѣку, которому я приказалъ, или я велю отрубить твою».

Еще больше испугался сарбазъ, но осѣнилъ его мысль Аллахъ. Онъ воскликнулъ:

«Пусть не свершится грѣховное дѣло! Этотъ человѣкъ невиновать. А если онъ правъ, то сдѣлай такъ, Милосердный, чтобы мой стальной клинокъ сабли превратился бы въ деревянный и не могъ бы затѣмъ перерубить шею осужденнаго».

И тутъ же быстро вытащилъ клинокъ изъ ноженъ.

Страшно удивились всѣ люди, увидавъ чудо—держалъ сарбазъ въ рукахъ деревянный клинокъ. Не захотѣлъ Милостивый, чтобы была пролита кровь невиннаго, и обратилъ Онъ желѣзо въ дерево.

Усмѣхнулся эмиръ на эту хитрость сарбаза—не смогъ онъ уличить его, но видѣлъ, что Аллахъ далъ хитрецу великій разумъ—и назначилъ сарбаза казіемъ.

А люди, видѣвшіе чудо, разсказывали о немъ другимъ и слава о новомъ кази, какъ о человѣкѣ, на которомъ лежитъ благословеніе пророка, разнеслась по всей странѣ...

Д. Логофетъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).